

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1877.

ПЯТОМ ДЕСЯТИЛѢТІИ.

ЧАСТЬ СLXXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ В. С. ВАЛАНШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1877.

189
1877

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВЯТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Ересь жидовствующихъ И. ПАНОВА.
Русско-Византійскіе отрывки В. ВАСИЛЬЕВСКАГО.
Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія
ихъ Турками В. КАЧАНОВСКАГО.

Бритическія и библиографическія замітки:

- Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ первый. Изда-
ніе Н. Н. Стржозова. А. ГАЛАХОВА.
Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и уче-
ныхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ,
и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ.
Составилъ Григорій Гемнаді. Томъ первый . . В. САНТОВА.
Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій.
Составилъ М. Колосовъ. Изд. 4-е, измѣненное
и дополненное. А. СМЕРНОВА.
Историческая хрестоматія по новой и повѣйшей исто-
ріи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Со-
ставилъ Я. Гуревичъ. Томъ I. Н. И.
Mélusine, revue de mythologie, littérature populaire,
traditions et usages, dirigée par MM. H. Gai-
dos et E. Rolland (Мелюзина, журналъ по ми-
еологіи, народной словесности, преданіямъ и
обычаямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Ге-
доза и Э. Роллана). А. ВЕСЕЛОВСКАГО.
Обученіе пѣнію въ народной школѣ . . . С. МИРОПОЛЬСКАГО.
О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ
учительской семинаріи въ начальномъ
училищѣ М. ИВАНОВСКАГО.
Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго
языка для татарскихъ народныхъ
школъ В. СМЕРНОВА.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) ветеринарные институты,
в) низшія училища

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. на 3-й стр. обѣтки).

БАЛКАНСКІЕ СЛАВЯНЕ, ВЪ ЭПОХУ ПОКОРЕНІЯ ИХЪ ТУРКАМИ.

Иош да видиш, добар побратиме,
Ту неслоге Српске од старине!

(В. С. Караџичъ, Српске пјесме, Кн. V. №. 1.
«Постанак књаза у Црнојгори»).

Оба славянскія государства, существовавшія въ средніе вѣка на Балканскомъ полуостровѣ—царство Сербское и Волгарское, имѣли одинъ общій характеръ, свойственный всѣмъ политическимъ организациямъ среднихъ вѣковъ: все, что ни происходило тогда въ Западной Европѣ, въ маломъ видѣ повторяется въ вжно-славянскихъ государствахъ. Монархія Душана, подходя подъ общій обликъ всѣхъ тогдашнихъ монархій, въ основѣ своей имѣетъ раздѣльность сословій: *властельство* (дворянство), *духовенство* и *народъ*; власти имѣютъ большія привилегіи, которыя доставили имъ возможность усилиться до такой степени, что они въ силахъ были вести борьбу съ королями за свои сословные интересы. Исторія не представляетъ намъ примѣра борьбы сербскаго духовенства съ кралами. Оно, напротивъ того, находится въ исключительномъ положеніи, которое предоставили имъ Сербскіе короли, благодаря духу вѣка: въ Законникѣ царя Стефана Душана читаемъ, что всѣ церкви освобождены отъ „всѣхъ работъ малыхъ и великихъ“¹⁾ и несутъ одну повинность—„понос“, да и то только тогда, когда проѣзжаетъ самъ царь²⁾; на нихъ работаютъ „люди церковные“: „И що соу села црковнаа и люде црковны, да негрѣдоу оу неропшигѣ царствами ни на сѣно, ни на орапѣ, ни на виноградъ, ни на

¹⁾ Законникъ Душана по изданію Шафарика (Památky dějvnoho písemnictví Jihoslavanů) статья 26.

²⁾ Ibid., ст. 23: «Цркванъ поноса да нѣсть, развѣ кѣда грѣдетъ камо царь, тѣди да га джкоутъ».

единою работоу, ни малоу ни великоу. «отъ всѣхъ работъ освободи царство ми. *тыжко да работаю цркви*»¹⁾). Вслѣдствіе той же потребности вѣка, мы видимъ, что Сербскіе кралеи строятъ монастыри— „задушбины“, дѣлаютъ разныя надачи имъ съ цѣлью имѣть своихъ молитвенниковъ, какъ при жизни, такъ и по смерти, и съ тѣмъ вмѣстѣ оставить о себѣ добрую память въ народѣ. Составители сербскихъ житій и лѣтописей тщательно передали намъ свѣдѣнія объ этихъ благочестивыхъ дѣяніяхъ Сербскихъ кралеи. Каждый Сербскій король считалъ своею нравственною обязанностію выстроить великолѣпную задушбину, да такую, по выраженію народной пѣсни,

Да ю нигда у свету нема!
Нек се знадне царска задужбина,
Нек се знадне: есмо царовали!²⁾

Или въ пѣснѣ о построеніи Лазаремъ Гробельеновичемъ задушбины Раваницы:

Нек се сјаје, нек се моје знаје!³⁾

Великіе сербскіе власти слѣдовали примѣру своихъ королей; для этого мы имѣемъ меньше данныхъ, но несомнѣнно, что это такъ было, съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, что властелинъ не могъ, безъ согласія царя, записать монастырю или церкви свою баштину⁴⁾.

Говоря о властельскомъ сословіи, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о характерѣ его въ періодъ до Душана и послѣ Душана. Властельское сословіе, по своему матеріальному богатству, было въ состояніи отстаивать свои сословные интересы; но въ періодъ до Душана, оно никогда не заявляло себя съ стремленіями сдѣлаться вполне независимымъ. Преслѣдуя свои сословные интересы, оно, въ періодъ до Душана, главнымъ образомъ отстаивало сербскую народность, на которую Греки оказывали не разъ уже прежде столь сильное вліяніе, что оно грозило совершеннымъ поглощеніемъ ея. Отсюда понятны протесты властелей противъ политики Сербскихъ кралеи, подвергавшихся греческому вліянію, которое успѣвало проникать въ

¹⁾ Законникъ Душана, ст. 35.

²⁾ Пѣсня помѣщена въ собраніи сочиненій А. О. Гилбердина, т. III: Босна, Сербія и Герцеговина, стр. 108.

³⁾ В. С. Караджичъ, Српске народне пјесме, кн. II, № 36 «Зидане Раваницы».

⁴⁾ Miklosich, Monumenta Serbica №. СХХV; Григоровичъ, Очеркъ путешес. по Европ. Турціи, №№ 24, 33 и 36.

сербскій дворъ чрезъ браки Сербскихъ королей съ греческими принцессами. Стефанъ Душанъ, принявъ титулъ самодержавнаго царя, не могъ допустить существованія такого властельскаго сословія съ его прежними потомственными правами; оно не удовлетворяло его видамъ, не было въ достаточной мѣрѣ подготовлено, чтобы великому монарху можно было на него положиться въ предпринимаемыхъ имъ преобразованіяхъ. Душану слѣдовало для его цѣли выдвинуть новое властельское сословіе, которое держалось бы не на потомственныхъ правахъ, а на личныхъ доблестяхъ. Такимъ образомъ, являются отдѣльныя личности съ правами на властельство, которыхъ самъ царь Стефанъ Душанъ возвышаетъ и отличаетъ пожалованіемъ новоучрежденнаго ордена св. Стефана; изъ нихъ онъ избираетъ высшихъ начальниковъ, первыхъ лицъ послѣ царской особы. Чрезъ посредство только такихъ лицъ Душанъ находилъ возможную централизацію своей обширной монархіи. Можно сказать, что борьба сербскаго боярства съ королями, длившаяся долгое время въ періодъ до Душана, подъ желѣзною рукою сего послѣдняго прекратилась съ того времени, какъ онъ лицамъ, имъ же отличеннымъ, ввѣрилъ въ управленіе отдѣльныя обширныя области. Эти его намѣстники были представителями личной особы самого царя, дѣйствовали въ интересахъ царскихъ, а не своихъ личныхъ. На первыхъ порахъ мысль Душана о централизаціи своей монархіи пришла въ исполненіе, и навѣрное, этотъ порядокъ вещей съ теченіемъ времени сдѣлался бы вполне естественнымъ и необходимымъ въ возрѣніяхъ всего властельскаго сословія, еслибы дольше пробыло оно подъ желѣзною рукою Стефана Душана. Но великій повелитель, при столь благоприятныхъ для утвержденія величественной южно-славянской монархіи обстоятельствахъ, неожиданно умеръ въ 1355 г., въ походѣ съ 80,000 войскомъ на Константинополь. Благодаря энергической дѣятельности и несомнѣннымъ военнымъ талантамъ Стефана Душана, владѣніе Неманичей достигло апогея его могущества и славы. Незначительное Сербское государство, въ періодъ предъ вступленіемъ Душана на сербскій престолъ (собственная Сербія, Зета и Хлумъ [въ Босніѣ]), подъ управленіемъ сего послѣдняго распространяетъ свои предѣлы далеко на югъ—во владѣнія Византійской имперіи: Албанія, сѣверная часть Эпира, Этолія, Фессалія и вся Македонія сдѣлались достояніемъ рода Немани. Отъ Венгріи Душанъ отнялъ Срѣмъ. Въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Сербскому царю находились Болгар-

свое царство, Восточный банъ, часть Далмаціи и Дубровникъ (?) ¹⁾. При такихъ-то условіяхъ у Душана возникъ очень важный планъ—основать одно Восточное царство. Походомъ на Константинополь онъ рѣшилъ покончить съ полумертвою Византіей; но судьба не дозволила ему выполнить этотъ величественный планъ. Для его осуществленія потребовалось бы столѣтіе, быть можетъ, два или три, и ко времени окончательнаго покоренія Турками южныхъ Славянъ, очень вѣроятно, установились бы прочныя связи между всѣми частями новой монархіи. Къ тому не мало способствовало бы и единство православной вѣры, которую исповѣдывали Сербы, Болгаре и Греки. А учрежденіемъ намѣстничества мудрый монархъ уже въ то время, въ половинѣ XIV вѣка, положилъ начало правильному развитію основанной имъ монархіи. Напрасно многіе въ раздѣлѣ Душаномъ его монархіи на намѣстничества видятъ причину ея паденія; еслибы, дѣйствительно, въ этомъ раздѣлѣ заключалась главная причина паденія, слѣдствія обнаружались бы—если не одновременно со смертію Душана, то несомнѣнно въ первые два-три года, когда юной монархіи пришлось вынести тяжелое испытаніе: въ 1356—1357 годахъ Греки въ союзѣ съ Турками дѣлаютъ нападеніе на сербскіе предѣлы, но испытываютъ совершенное пораженіе ²⁾; въ то же время на сѣвѣ Сербовъ собирается 100.000 крестоносное войско ³⁾, но дальновидный Венгерскій король Людовикъ I Великій нашелъ необходимымъ обратить эти силы прежде на союзницу Сербіи—Венецію, которая уже отправила было вспомогательное войско сербскому правителю. Въ эти тяжелые дни испытанія для юной монархіи всего легче могли обнаружиться слабыя стороны ея: тогда немедленно послѣдовало бы неудержимое отпаденіе присоединенныхъ областей, стоявшихъ подъ управленіемъ отдѣльныхъ намѣстниковъ; но мы видимъ, что областные намѣстники, въ первые годы послѣ смерти Душана, остаются вѣрными исполнителями воли умершаго монарха. Въ чемъ же, спрашивается, кроется причина, по которой единодушіе намѣст-

¹⁾ Естественно, такимъ образомъ, что отнынѣ съ судьбою Сербскаго царства соединилась судьба всѣхъ прочихъ южно-славянскихъ областей.

²⁾ Въ Троишской лѣтописи (*Гласник оруштва србске словесности*, св. V, стр. 70) читаемъ: «Таме греци ощутивше смерть силнаго Стевана дають вѣдомость туркомъ, которій чрезъ нихъ земли на Македонію и предѣлы сербскіа наступѣтъ, иже волакшину сретаетъ и разбиваетъ всю силу ихъ».

³⁾ *Fessler* (*Geschichte von Ungarn*, въ передѣлкѣ Клейна ч. II, стр. 134) замѣствуетъ это свѣдѣніе у *Fleury*, *Hist. ecclési.* XXIV, 147 и *Kalona*, X, 100.

никовъ вскорѣ нарушилось, вслѣдствіе чего гибнетъ и великое дѣло царя Душана? Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что только опасность извнѣ заставила намѣстниковъ на первыхъ порахъ дѣйствовать согласно; миновала же опасность, и своекорыстные цѣли ихъ не замедлили обнаружиться. Нельзя, конечно, винить и Душана, что сербское властельство не успѣло еще свыкнуться съ новымъ порядкомъ вещей; на это нужно было время, или по крайней мѣрѣ, достойный преемникъ Душана, который охранялъ бы съ энергіей этотъ новый порядокъ вещей, и всего этого судьба лишила юную монархію. Возвышенные и отличенные самимъ Душаномъ, его намѣстники остались съ тѣми же властельскими понятіями, какія такъ недавно преобладали въ Сербской землѣ, и къ тому, въ добавокъ, съ нѣкоторою примѣсью новыхъ идей, которыя совершенно измѣнили это новое властельское сословіе; оно имѣетъ въ виду не интересы отечества, а свои личныя выгоды. Въ то время, какъ старое властельское сословіе утратило силу, новое, то-есть, главные представители его — намѣстники, устремили свои взоры на другую цѣль — на присвоеніе себѣ независимой власти, а самый сильный изъ нихъ, Вукашинъ — на обладаніе самимъ престоломъ Немани. Цѣль ихъ была достигнута.

Во время борьбы властельства съ королями, Сербскій народъ живетъ своею отдѣльною жизнію: онъ почти не принимаетъ участія въ этой борьбѣ. Говоримъ „почти“, потому что народъ не игралъ никакой самостоятельной роли: онъ выходилъ на ратный бой на той или другой сторонѣ, смотря потому, на чьей землѣ жилъ — на церковной, властельской или царевой. Хотя вся земля именовалась „царева земля“¹⁾, все-таки каждый властель въ собственной землѣ правилъ какъ полный собственникъ, и люди, проживавшіе на его землѣ, должны были нести повинности главнѣйшимъ образомъ по отношенію къ своему ближайшему господину; этотъ же послѣдній, признавая надъ собою верховное главенство короля, долженъ былъ выставять, въ случаѣ общей войны, известное число ратниковъ. Иначе можно сказать, народъ не имѣлъ политическаго значенія, и это было утверждено закономъ. Въ Законникѣ Стефана Душана читаемъ статью, которою устраняется всякая возможность участія народа въ государственныхъ дѣлахъ: „сброва събора да нѣсть, кто ли се обрѣщеть сборникъ, да

¹⁾ Законникъ Душана, статьи, 119, 154, 194.

моу се оуши оурѣжита, и да се осмоудеть подвочіе¹⁾. Обреченный установившимися обычаями, которые впоследствии получили силу закона, на полное безучастіе въ государственныя дѣлахъ, Сербскій народъ предался мирнымъ занятіямъ—хлѣбопашеству, скотоводству. Положеніе земледѣльческаго класса въ Сербскомъ государствѣ того времени далеко оставляло за собою положеніе земледѣльческихъ классовъ во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ. Совершенное благосостояніе земледѣльческаго класса у южныхъ Славянъ привлекло въ нихъ землю иноземцевъ не въ видахъ только коммерческихъ, но и съ тѣмъ, чтобы тамъ поселиться. Въ одной грамотѣ²⁾ Стефана Дечанскаго, отца Душанова, читаемъ, что онъ заселилъ опустѣвшія земли „отходцами изъ чужой земли“; а Григорій Цамблакъ въ „житіи“ Стефана Дечанскаго³⁾ свидѣтельствуешь, что въ Сербіи было такое благосостояніе, „іако и мнози изъ далече своа отчѣства оставляти тамо прѣходити“. Конечно, покидалъ свое отечество, свой замокъ не баронъ или графъ, а народъ нуждающійся, народъ, ищущій средствъ къ жизни; прибывавшіе въ южно-славянскія земли иностранцы не занимали, такимъ образомъ, въ новой землѣ правительственныхъ должностей, а предавались тому роду занятій, которыя требовали побольше рабочихъ силъ. Такой недостатокъ рабочихъ силъ ощущался больше всего при обработкѣ земли и разработкѣ рудниковъ. На сколько успѣшно въ Сербіи производилась разработка рудниковъ уже въ первой половинѣ XIV вѣка, свидѣтельствуешь французскій путешественникъ Броккардъ, посѣтившій Сербію въ 1332 году, въ сочиненіи: „Directorium ad raryagium faciendum“⁴⁾. Представляя Филиппу Валуа планъ новаго крестоваго похода для освобожденія Іерусалима, Броккардъ дѣлаетъ замѣчаніе о Сербіи слѣдующаго рода: „Сербія имѣтъ пять золотыхъ рудниковъ и пять серебряныхъ, страна плодоносная, богата, истощаетъ украшеніе“; онъ побуждаетъ короля обратить все свое вниманіе на занятіе этой страны, для чего, говорить, потребуется и немного военныхъ силъ — всего лишь 1.000 всадниковъ и 6.000 пѣхотинцевъ. Увлечшійся Французъ предполагалъ съ такимъ незначительнымъ войскомъ покорить Сербію въ

¹⁾ Ibid. ст. 61, стр. 35.

²⁾ Miklosich, Monumenta Serbica, № LXII.

³⁾ Гласник сръбскогъ ученогъ друштва, св. XI, стр. 67.

⁴⁾ Выдержки изъ этого сочиненія сдѣланы Іоанномъ Крстичемъ въ статьѣ: «О историчной важности упомена старія путника неки» (Гласник, св. VI, стр. 211).

тотъ самый моментъ, когда бразды правленія Сербскимъ государствомъ принялъ (1331 г.) великій и геніальный король Стефанъ Душанъ!

Вспомнимъ, что мы сказали о сербскомъ властельскомъ сословіи и Сербскомъ народѣ. Мы видѣли, что въ то время, какъ властели пользовались большими правами, народъ оставался съ тѣмъ однимъ правомъ, что не былъ внѣ закона. За всѣ свои дѣйствія онъ подвергался строгой отвѣтственности предъ судомъ закона — и значительно большей, нежели тѣ же самые властели. За что „властелинъ“ подвергался денежному штрафу, за то „себрь“ наказываемъ былъ самымъ жестокимъ образомъ¹⁾. Богадѣльни при монастыряхъ и церквахъ были переполнены нищими, но такого рода, которые обнищали не отъ того, что отъ природы лишены были они возможности снискивать себѣ пропитаніе, а по силѣ закона: рѣшеніемъ жестокаго суда одинъ, въ полномъ цѣлѣ силъ, наказанъ за проступокъ лишеніемъ руки, другой — лишеніемъ глазъ, а иной, языка, и потому должны попрошайничать. Съ размноженіемъ нищихъ, усилилась милостыня богатаго, привилегированнаго класса. Милостыня эта выражалась въ равной мѣрѣ въ устройствѣ богадѣленъ при монастыряхъ и церквахъ, какъ и въ отдѣльномъ подаваніи. Исторія сохранила намъ фактъ, до какой степени преемникъ Сербскаго князя Лазаря, сынъ его деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, былъ щедръ на эти подаванія. Въ Трношской лѣтописи²⁾ читаемъ слѣдующее: „скажется о превеликой милостыни (сега) Стефана, тако- всегда, егда живаше въ мирѣ, по всѣмъ ноци прешблековашеся и хождаше по улицахъ оубогихъ и всѣкаго оудовоствоваше“. Дальнѣйшія слова лѣтописи—отвѣтъ нищаго на укоръ деспота Стефана, за тѣмъ онъ крадетъ часть другихъ нищихъ, принимая самъ подаваніе три раза,—очень характерны и показываютъ намъ—если можно только на этомъ одномъ свидѣтельствѣ дѣлать заключеніе—взглядъ народа на милостыню богатаго класса: „та бо сребро твое и часть братій моихъ краду, тижс сребромъ тимъ крадешъ царство небесное“. Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ — невольпо рождается вопросъ — была условливаема эта щедрая милостыня не только деспота Стефана Лазаревича, о коемъ лѣтопись сохранила такой щекотливый фактъ, но и всѣхъ вообще Сербскихъ королей и всего привилегированнаго класса?

¹⁾ Законникъ Душана, статьи 46, 47, 81.

²⁾ *Гласник*, св. V, стр. 98.

Самый естественный отвѣтъ на этотъ вопросъ: духъ времени. Множество монастырей и при нихъ богадѣленъ свидѣтельствуютъ сколько о набожности народа, столько же и еще болѣе о безнравственномъ состояніи его. По средневѣковымъ понятіямъ, грѣхъ, содѣянный сегодня съ вечера, можно на другое утро загладить извѣстнаго рода покаяніемъ. Эта щедрая милостыня — явленіе, не исключительно принадлежавшее Сербскому государству, а присущее всѣмъ средневѣковымъ европейскимъ государствамъ.

Какое же заключеніе можно сдѣлать изъ этихъ фактовъ? Нельзя ли по нимъ составить себѣ понятіе о томъ уровнѣ нравственнаго и умственнаго состоянія, на коемъ Сербскій народъ находился въ моментъ наплыва въ его земли Турокъ? Суровость закона условливается неслѣдствіемъ и грубостію нравовъ. Всякій, читая Законникъ Душана, не можетъ не видѣть, что въ сербскомъ обществѣ того времени господствовала грубость нравовъ. Такія преступленія, какъ убійство ¹⁾, воровство, разбой ²⁾, насиліе ³⁾, пьянство ⁴⁾, поджигательство ⁵⁾, наѣздъ ⁶⁾, подлогъ ⁷⁾, открытое присвоеніе чужой собственности, побѣги ⁸⁾ и другія, свидѣтельствуютъ о первоначальной грубости народа, а не о развращеніи, при которомъ бываетъ иной родъ преступленій. Равнымъ образомъ, простота судебныхъ разбирательствъ, при помощи различныхъ доказательствъ—пороты и присяжныхъ ⁹⁾, свода ¹⁰⁾, служить доказательствомъ патріархальности, а съ тѣмъ вмѣстѣ неспорченности общества. Мы не имѣемъ свода болгарскихъ узаконеній, подобнаго Законнику Душана; но по двумъ хрисовуламъ ¹¹⁾, даннымъ Болгарскими царями Хиландарскому монастырю (1-й данъ Константиномъ Асѣнемъ, а 2-й, отъ 1348 г., Іоанномъ Александромъ Асѣнемъ), можемъ сдѣлать вѣрное заключеніе, что нравственное

¹⁾ Законникъ Душана, статьи: XXV, XLII, XLIV.

²⁾ Ibid., статьи: LXXI, LXXII (122—27), XCIV.

³⁾ Ibid., ст. XVI.

⁴⁾ Ibid., ст. CII.

⁵⁾ Ibid., ст. XLVI.

⁶⁾ Ibid., ст. XLVII.

⁷⁾ Ibid., ст. LXVIII.

⁸⁾ Ibid., ст. LXX, XCIV и § 205.

⁹⁾ Ibid., ст. LXXIV, 163, XCI.

¹⁰⁾ Ibid., ст. 79, 143, 193.

¹¹⁾ Списаны прое. Григоровичемъ и изданы въ Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи, стр. 39—40.

состояніе Болгаръ ничѣмъ не разнилось отъ состоянія Сербовъ: такова же грубость нравовъ господствовала въ Болгарскомъ царствѣ, какъ и въ Сербскомъ. Въ первомъ хрисовулѣ упомянуты слѣдующія дѣла, подлежащія суду игумена: *вражда, разбой, конска кража, приселница*; во второмъ вообще упомянуты „*любви малы и юльми: бунъ (фѳѳѳѳ), распутъ, разбой, конскы тать*“.

Въ то время, какъ простой народъ погрязалъ въ грубости, высшіе слои сербскаго общества стали перенимать развращенные нравы испорченнаго греческаго общества. Болѣзненная извѣженность совершенно перемѣнила прежнее дѣятельное властельское сословіе. Довольно прочесть двѣ пѣсни изъ Сборника Кароджича №№ 27 и 28, чтобы видѣть, какъ мѣтко охарактеризовалъ народъ свое извѣженное властельство. Обѣ пѣсни представляютъ пиръ у царя Душана, въ которомъ принимаютъ участіе четыре патриарха, девять владыкъ, двѣнадцать визировъ (намѣстниковъ) и много другихъ господарей:

Док се царє виномъ накајно,
Слуге њьга изъ стола дѳгоше,
Узеше га за оба пазуза,
Однијеше га у ложницу,
Прѳстријеше три мека душека, ¹⁾
У душеке цара положише.

Спать же долго: уже заутрєня отошла, и къ обѣднѣ звонять—тогда только слуги поднимають его изъ „мека душека“, отводятъ въ „бѣлую церковь“ къ обѣднѣ; а послѣ обѣдни опять царь садится за серебряный столъ и пьетъ съ сербскими господарями „равію“. Въ угоду своему повелителю, не желая подвергнуться опалѣ, сербскіе господари ни въ чемъ не прекословяютъ ему и одобряють противозаконное требованіе царя—взять въ жену свою сестру Кандасію; они предъ лицомъ самодержавнаго не имѣють никакого голоса, за то прекрасно льстятъ, а царь, въ свою очередь, относится къ нимъ недовѣрчиво. Трудно опредѣлить, на сколько вѣрно переданъ тутъ фактъ, касающійся образа жизни Стефана Душана; несомнѣнно вѣрное заключеніе изъ пѣсни можно вывести то, что реформы царя Душана не нашли себѣ сочувствія въ народной массѣ.

Къ довершенію бѣды, образованіе стояло на низкой степени. Благотворное вліяніе просвѣтительной дѣятельности перваго сербскаго архієпископа, св. Саввы, перваго (по выраженію сербскихъ книжни-

¹⁾ Постель, матрацъ.

ковъ) наставника всей Сербской земли ¹⁾, съ теченіемъ времени прекратилось: на весь Балканскомъ полуостровѣ, въ XIV и XV вѣкахъ, едва осталось два пункта, гдѣ сохранилось прежнее процвѣтаніе письменности—это Авоиъ и Терновъ ²⁾.

Сербскому государству, такимъ образомъ, грозила великая опасность: при дальнѣйшемъ подобномъ ходѣ дѣлъ оно неизбежно должно было склониться къ паденію.

Нельзя не предположить—и это предположеніе будетъ имѣть значительную долю вѣроятности, что гениальный Душанъ понялъ это безвыходное положеніе Сербскаго государства, и потому, по вступленіи на престолъ, съ величайшею энергіей сталъ принимать мѣры для отстраненія предстоявшей гибели. Мы уже выше сказали, какъ онъ уничтожилъ старое, горделивое, бесполезное властельство, какъ онъ выдвинулъ личности, не имѣвшія потомственныхъ правъ на властельство, но заслужившія ихъ своими талантами. Значить, Стефанъ Душанъ понялъ, что только распространеніе, въ самомъ скоромъ времени, просвѣщенія въ сербскомъ обществѣ можетъ предотвратить неизбежную гибель. Это послѣднее заключеніе если еще не такъ ясно вытекаетъ изъ факта возвышенія Душаномъ новаго, пригоднаго для его плановъ властельства, то съ логическою послѣдовательностію можетъ быть выведено изъ слѣдующаго свидѣтельства Аппендини, что въ 1421 году несогласія между сербскимъ деспотомъ Стефаномъ Лазаревичемъ и Дубровникомъ дошли до такой степени, что Дубровницкая республика воспретяла *сербскимъ дубовикамъ учиться въ женскихъ дубровницкихъ монастыряхъ* ³⁾. Начало такого воспитанія восходитъ ко времени правленія Стефана Душана. Полагаясь такъ на томъ основаніи, что знаменитый сербскій писатель современникъ деспота Стефана, родомъ Болгаринъ изъ Терновскаго округа ⁴⁾, Константинъ Философъ, въ тщательномъ ⁵⁾ „жи-

¹⁾ *Starine*, кн. III: Коричная книга сербскаго письма XIII—XIV вв. по рукописи Новоіерусалимскаго монастыря; описана И. И. Срезневскимъ.

²⁾ Книги Константина Философа о правопису, по изданію Дамичича въ *Starina*, кн. I, 1869 г., гл. 35, р. 38.

³⁾ *Appendini*: *Notizie storico-critiche sulla Repubblica di Ragusa*, pag. I. p. 229.

⁴⁾ Книги Константина Философа о правопису (*Starine*, I) гл. 1, стр. 1.

⁵⁾ См. мое изслѣдованіе: «Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ, въ XIV и XV вв.» (*Славянскій Сборникъ* 1876 г. т. III, отд. I).

тин⁴ сего деспота не дѣласть ни одного намека на этотъ многозначительный фактъ. Еслибы, дѣйствительно, такой образъ воспитанія впервые возникъ при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ, то Константинъ Философъ не преминулъ бы упомянуть о немъ. Да наконецъ, всякое сомнѣніе по этому поводу устраняеть свидѣтельство одной дубровницкой лѣтописи, по списку Стуллича, что „*Стефанъ Душанъ 1351 года требовалъ отъ Дубровницкой республики молодыхъ образованныхъ людей*”; требованіе Душана было исполнено: *отправлено было трое ученыхъ; которые играли важную роль въ ея юсударствѣ*“¹⁾.

Поднятое Стефаномъ Душаномъ просвѣщеніе стало опять распространяться въ предѣлахъ Сербскаго государства, хотя, впрочемъ, далеко не въ прогрессивной послѣдовательности. Какъ на самый разительный фактъ, являющійся слѣдствіемъ благотворнаго вліянія поднятаго царемъ Душаномъ просвѣщенія въ Сербскомъ государствѣ, мы укажемъ на „слова“ внягини Евиміи, вдовы деспота Углеши, вышитыя золотомъ на шелковомъ покровѣ мученику, павшему въ Косовской битвѣ, князу Лазарю Гребельяновичу²⁾. А. О. Гильфердингъ, при всемъ своемъ строгомъ, хотя не совсѣмъ вѣрномъ приговорѣ о сербской письменности XIV и XV вв., высказался за несомнѣнное достоинство этого памятника³⁾. Подъ управленіемъ просвѣщеннаго и любившаго науки Сербскаго деспота Стефана Лазаревича (1389—1427 гг.), просвѣщеніе въ Сербскомъ государствѣ достигло значительныхъ результатовъ, сколько то можно заключать изъ свидѣтельства одной сербской лѣтописи („*Стефанъ же деспоть... многа писаніа прѣвѣдѣ отъ грѣчьскихъ писаніи, паче инѣхъ прѣжде бѣвшихъ того*“)⁴⁾

изъ появленія въ тогдашней сербской литературѣ такихъ произ-

¹⁾ В. Макушевъ, Исслѣдованія объ историч. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, стр. 323: «1351. Il Rè di Bosnia domandò dai Ragusei gentiluomini giovani, e li furono mandati 3 savj, i quali ebbero grande autorità nel suo regno». Читателя тутъ несколько не должно смущать отсутствіе имени Стевана Душана и титулъ «il rè di Bosnia»: дальнѣйшія слова той же лѣтописи: «1355. Mori il Rè di Bosnia, a 18 di Ibre», которыя несомнѣнно должно понимать по отношенію къ Стевану Душану, могутъ служить основаніемъ для вѣроятнаго предположенія, что призывалъ къ себѣ дубровницкихъ ученыхъ никто иной, какъ тотъ же Стефанъ Душанъ.

²⁾ Schafarik, Památky děvního písem. Jihoslav, р. 27—28; у Гильфердинга, Собраніе соч., т. III: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 196.

³⁾ См. Собраніе соч. А. О. Гильфердинга, т. III, стр. 196.

⁴⁾ Schafarik: Památky děvního písemnictví Jihoslovánův, отд. IV, стр. 62,— лѣтопись Карловачская.

веденій, которыя служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что въ ней совершился въ это время поворотъ къ лучшему ¹⁾. Кромѣ упомяну- таго уже произведенія Константина Философа „Живот деспота Сте- фана“, стоитъ упоминанія еще одинъ трудъ того же Константина: „Книга Константина Философа о правопису“. Это послѣднее про- изведеніе писано имъ при жизни деспота Стефана и по вчинанію этого миролюбиваго правителя ²⁾. Оставляя въ сторонѣ всѣ его замѣ- чанія по грамматикѣ, упомянемъ здѣсь только о томъ, что прямо относится къ нашей цѣли и можетъ служить намъ нѣкотораго рода даннымъ для составленія понятія объ умственномъ и нравственномъ состояніи тогдашняго сербскаго общества. Изъ него мы узнаемъ, что на попримѣ сербской письменности въ то время трудились „многіе добрые сербскіе издатели“ ³⁾; что у южныхъ Славянъ въ то время уже было извѣстно имя „Русскихъ“ и другихъ славянскихъ пле- менъ ⁴⁾, и наконецъ, тоже очень важное свидѣтельство слѣдующа- го рода: „*іако соутъ кнѣзи, рѣше, отъ христіанъ мнѣште древнѣе* „*еллинскѣе*“ *обычае, и по заходу сльнца не дають огнь, ни и но что по трѣбно, и дѣни въ коихъ давати въ коихъ ми не износити из домоу своєю ничьсоже, и вѣнимають ерештамъ ови зли ови добри*“. *вѣнимають же и гласи пѣтлаамъ, вранамъ, мисицамъ и инаа таковаа, чьже аште не останутъ се, боуди анавема, анавема, анавема*“ ⁵⁾. Изъ сего послѣдняго свидѣтельства можно сдѣлать такое заключеніе, что сербское общество XV вѣка нисколько не разнится по своимъ воз- зрѣніямъ отъ общества XIV столѣтія: оно оставалось также невѣжествен- но и сохраняло многіе остатки древнихъ своихъ языческихъ воззрѣній. Оно и понятно, почему такъ мало просвѣтился Сербскій народъ въ пе- ріодъ почти цѣлаго столѣтія. При усиленіи просвѣщенія въ Сербскомъ

¹⁾ Главными водителями въ этомъ дѣлѣ были князья изъ Асова и Тер- нова: см. книги Константина Философа о правопису (*Starine*, кн. I, гл. 35, стр. 38).

²⁾ *Ibid.*, гл. 38, стр. 40.

³⁾ *Ibid.*, гл. II.

⁴⁾ *Ibid.*, гл. 4.: Константинъ Философъ въ своемъ трудѣ высказываетъ мнѣ- ніе, бывшее, по всей вѣроятности, въ его время въ ходу, о составленіи книж- наго славянскаго языка изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій: русскаго, сербскаго, болгарскаго, чешскаго, хорватскаго и босанскаго; онъ полагаетъ, что переводъ церковныхъ книгъ былъ сдѣланъ, собственно, на русскій языкъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ словъ изъ другихъ славянскихъ нарѣчій.

⁵⁾ Книги Константина Философа о правопису, гл. 29, стр. 34.

государствѣ, Стефанъ Душанъ имѣлъ, кажется, въ виду, главнымъ образомъ, высшее сословіе, а не „себровъ“. Уже одно узаконеніе: „*себрова сбора да несть*“¹⁾ даетъ намъ право дѣлать заключеніе, что Стефанъ Душанъ, слѣдуя требованіямъ своего вѣка, не могъ допустить формальнаго просвѣщенія „себровъ“, что могло бы вызвать въ нихъ стремленіе къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ законъ воспрещалъ это участіе. Стефанъ Душанъ въ этомъ отношеніи остался вѣрнѣе установившимся изстари обычаямъ, которые при его отцѣ Стефанѣ Дечанскомъ получили еще силу закона. Образование, дававшее права сыновьямъ „поповскимъ“ (ибо дѣти властелей всегда оставались съ своими правами), не давало никакихъ правъ сыновьямъ „*меропха*“; въ грамотѣ Стефана Дечанскаго²⁾ читаемъ: если поповскіе сыновья изучать „*книгу*“, пусть остаются съ своимъ отцемъ на „*своѣмъ ждртви*“, если же не изучать, да будутъ „*меропхами*“; „*меропшичъ*“ же хотя бы и изучилъ „*книгу*“, да остается „*меропхомъ*“. При такомъ узаконеніи, едва ли могло подвигнуться впередъ народное просвѣщеніе. Возникшія затѣмъ, по смерти Стефана Душана, споры между сербскими намѣстниками и несчастная для Сербовъ и всего славянскаго міра Косовская битва (1389 г.) не могли не парализовать постепеннаго развитія установленнаго Душаномъ порядка вещей. И не смотря на все это, мы встрѣчамъ факты, свидѣтельствующіе, что въ XV вѣкѣ, въ правленіе деспота Стефана Лазаревича, жившаго въ мирѣ съ Турецкими султанами, просвѣщеніе въ Сербскомъ государствѣ нѣсколько поднялось. Конечно, слова Константина Философа могутъ имѣть отношеніе и къ народной массѣ, и къ высшему сословію, но все же появленіе въ литературѣ важныхъ произведеній и затѣмъ свидѣтельство Аппендинни даютъ намъ право дѣлать подобное заключеніе. Мало произведеній дошло къ намъ: большая часть истреблена или хранится еще въ рукописяхъ разныхъ европейскихъ бібліотекъ. Только благодаря миролюбивой политикѣ деспота Стефана, который къ тому же былъ родственникомъ султана Баязета (такъ какъ этотъ былъ женатъ на сестрѣ его), сербская народность могла создать два-три произведенія оригинальныхъ, а въ большинствѣ случаевъ давала лишь переводы съ греческаго да копій съ рукописей прежняго періода.

Сербское государство, возвеличенное царемъ Стефаномъ Душа-

¹⁾ Законникъ царя Душана, статья 61.

²⁾ *Miklosich*, Monumenta Serbica, N. LXXXVI, стр. 99.

номъ (который первый изъ рода Неманичей принялъ титулъ „царя Сербіи и всѣхъ завоеванныхъ земель“), получаетъ съ того времени большую извѣстность у своихъ сосѣдей. Съ того времени началось болѣе близкое знакомство съ Сербами, дошедшее наконецъ до подражанія въ одеждѣ сербской модѣ. Едва ли не правдоподобно будетъ, что только слава сербскаго оружія заставила Грековъ въ половинѣ XIV вѣка носить одну часть одежды по образцамъ сербскому и болгарскому¹⁾. Сообщающъ этотъ фактъ писатель византийскій, современникъ Стефана Душана, Никифоръ Грегора, писавшій свою исторію въ періодъ 1351—1359 гг., и потому нѣтъ никакого основанія скептически къ нему относиться. Полная вѣроятность свидѣтельства Никифора Грегора подтверждается свидѣтельствами и другихъ источниковъ, что образцы одежды южныхъ Славянъ въ то время, въ XV вѣкѣ, были въ модѣ у ихъ сосѣдей. Чибраріо въ своемъ трудѣ „Della economia politica del medio evo“ сообщая фактъ, что въ Италіи, по временамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носили одежду по славянскому образцу (alla Schiavonel)²⁾.

¹⁾ Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Nicephorus Gregoras, vol. III, Bonnae, 1855 г.: Τι δ' ἐν τις φαίη καὶ περὶ τῶν ἐνδυμάτων, ἅσα καὶ τοῦτοις καθήκοντο, καὶ ὅπως ἐκτετόπισται τοῦ γυμνίου τε καὶ νουήθηκα κολιταία, ὡς μὴδὲ γινώσκονται ἐτι ὅτις Ῥωμαίων καὶ ὅτις τῶν ἄλλων ἐκόντων γενῶν. οὔτε γὰρ Περσικὴ τις ἀκρατος ἢ στολὴ γέγονεν ἤδη Ῥωμαίοις, οὔτε Λατινικὴ τελείως, οὔτε μὴν τις Γοτθικὴ καθάπερ, οὔτε εἰ τις Τριβαλλῶν (Сербовъ) καὶ ἄρα Μοσῶν (Волгаръ) καὶ Πασιῶν. ἀλλ' ἐκ πασῶν τὸ διὰ πασῶν εἰκεῖν τῆς μουσικῆς ἐκείνης ἀρμονίας καὶ ἀρετῆς ἐπὶ τῶν ἡμετέρων ἀντέτραπται χρόνον ἐρ ἅπαν τούναντιον μίγμα καὶ συμφόρημα. Какъ бы ни понимать эти слова Грегора, то-есть, слава ли оружія царя Стефана Душана заставила слабыхъ и извѣженныхъ Грековъ носить одежду по сербской и болгарской модѣ, или же вслѣдствіе извѣженности и развращенія, Греки стали перенимать обычай сосѣднихъ народовъ, въ томъ числѣ и южныхъ Славянъ, — само по себѣ свидѣтельство это нисколько не терять важности для исторіи послѣднихъ; въ этихъ словахъ, все-таки, усматривается вліяніе не испорченныхъ нравственно южныхъ Славянъ на извѣженныхъ Грековъ. Тутъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что эту «сѣшанную» одежду носятъ не высшіе только слои византийскаго общества, всегда прежде всѣхъ подвергавшіеся деморализаціи, а *весь народъ, все государство* (πολιτεία). Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у южныхъ Славянъ: не народъ, на коемъ видится національность, а высшіе слои сербскаго общества (больше при дворѣ) подражаютъ модѣ византийской; народъ же, напротивъ того, сильно вооружается противъ этой новизны, что выразилось и въ его эпосѣ.

²⁾ *Міѣтаодиг*, Студије за историју српске трговине (*Гласник*, кн. XXXII, стр. 212).

Возвеличено было Душаномъ Сербское царство, но не надолго; съ его смертью вся слава померкла. Раздоры областныхъ намѣстниковъ ослабили юную монархію до такой степени, что она должна была испытать вскорѣ торжество турецкаго оружія, между тѣмъ какъ недавно сама угрожала Константинополю. Пораженіе Сербовъ на Марицѣ (1371), въ правленіе краля Вукашина, и самое главное—на Косовомъ полѣ (1389 г.), въ коемъ палъ мученикъ за Сербскую землю князь Лазарь Гребельяновичъ, находятъ себѣ главную причину въ разрозненности сербскихъ намѣстниковъ. Заправителями слѣдовали области, особенно новопріобрѣтенныя, и такимъ образомъ, съ разрозненностію намѣстниковъ совпала разрозненность областей. Исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ тому. По справедливому замѣчанію А. Э. Гильфердинга, „духъ несогласія и распри составляютъ одно изъ отличительныхъ свойствъ Сербскаго племени“ ¹⁾. Это же вѣрно подмѣтитъ и Сербскій народъ, когда въ своихъ пѣсняхъ (богатырскихъ) пѣсняхъ поетъ:

Још да видиш, добар побратиме,
Ту неслоге Српске од старине! ²⁾

или:

О несрећо, вазда ли си дуга,
Особито у српском народу,
Не брат брата оће да изгуби
Без давије ³⁾ и без исповјести! ⁴⁾.

Со смертію Лазаря на Косовомъ полѣ прекратилась самостоятельность Сербскаго государства. Въ исторіи окончательнаго паденія Сербіи (1459 г.), Босны (1463 г.) и Герцеговины (1483 г.) и распростиранія Турокъ въ Европѣ Косовская битва (1389 г.) составляетъ замѣчательную эпоху: въ этой битвѣ Турки въ открытомъ полѣ показали превосходство своего легкаго войска предъ тяжело вооруженными рядами арміи европейской и тѣмъ положили начало послѣдовательному утверженію своей силы на европейской территоріи; а Сербы на Косовомъ полѣ бились за охрану своего народнаго, или даже, можно сказать, всеславянскаго достоянія. Вѣрность послѣдняго мнѣнія выяснится изъ дальнѣйшихъ словъ. Вспомнимъ только, что столь важные памятники (не по внѣшней формѣ, конечно, а по содержа-

¹⁾ *Русская Бесѣда* 1858 г., кн. I: Боснія, стр. 69.

²⁾ В. С. Караджичъ, Српске народне пјесме, кн. V, № 1: Постанак вјаза у Црној гори, стихъ 413, стр. 15.

³⁾ Жалоба, обвиненіе.

⁴⁾ В. С. Караджичъ, Срп. нар. пјесме, кн. V, № 1, ст. 1724, стр. 58.

нію), каковы два „житія“ Стефана Немани, написанныя сыновьями его Стефаномъ Первовѣчаннымъ и архіепископомъ Саввою (каждый особо), и трудъ архіепископа Данила II „Животи кральева и архіепископа“, явились въ періодъ до паденія Сербскаго государства; но ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ періодъ послѣ Косовской битвы: кромѣ произведеній Константина Философа: „Живот деспота Стефана Лазаревича“ и „книги Константина Философа о правопису“, нельзя указать ни на одно произведение, которое сколько-нибудь объясняло бы жизнь Сербскаго народа. Турецкій гнетъ, начавшійся съ Косовской битвы, не далъ проявиться сербскому просвѣщенію, и непроницаемая тьма, въ теченіе пяти столѣтій, покрыла земли южныхъ Славянъ. Самое важное событіе изъ исторіи Сербскаго народа—Косовская битва, не нашла себѣ отраженія въ сербской письменности. Въ произведеніяхъ, специально предназначенныхъ описанію этой битвы, мы не находимъ никакихъ данныхъ для исторіи; въ такихъ произведеніяхъ, какъ „житіе князя Лазаря“ и сказаніе, имѣющее форму могильной надписи на полѣ сраженія: „*Cie ryci pisane bhu na staliu mramornou na Kosovu*“, преобладаетъ одна фразеологія. Все здѣсь ограничивается одними общими мѣстами.

Въ періодъ, слѣдовавшій за Косовскою битвою, подъ правленіемъ миролюбиваго деспота Стефана Лазаревича (1389—1427 гг.) Сербское государство получило важныя преимущества предъ силой Османовъ. Въ это время оно опять нѣсколько окрѣпло; но недалновидный деспотъ не сумѣлъ воспользоваться этими преимуществами. Въмѣсто того, чтобы всѣми мѣрами стараться ослабить Турокъ, онъ употребляетъ всѣ свои усилія къ поддержанію ихъ. Обязанный къ тому договоромъ¹⁾, заключеннымъ послѣ Косовской битвы между нимъ и султаномъ Баязетомъ, онъ со своими храбрыми сербскими воинами вездѣ является на помощь турецкому оружію: въ 1391 — 1392 гг. онъ помогъ Баязету покорить Болгарію; вслѣдъ затѣмъ (1392 г.) онъ въ

¹⁾ Условія этого договора слѣдующія: 1) Стефанъ Лазаревичъ долженъ быть союзникомъ Баязета во всѣхъ походахъ сего послѣдняго, при чемъ сербскія войска должны стоять подъ знаменемъ Баязета; 2) Стефанъ выдастъ за султана свою сестру и 3) онъ будетъ давать ежегодно дань изъ серебряныхъ рудниковъ. Объ этомъ повѣствуютъ: визант. лѣтоп. Доблас, сар. IV, р. 17, турецкій лѣтописецъ *Сеадеддинъ*, р. 160, сербскіе источники: *Житіе деспота Стефана Лазаревича* (*Гласник*, св. XXVIII, стр. 386) и *Троношская лѣтопись* (*Гласник*, св. V, стр. 93); въ послѣдней читаемъ: «Сербъ должны 1) выставить султану 30.000 воиновъ и 2) давать 20.000 златицъ».

союзъ съ султаномъ сдѣлалъ нападеніе на Венгрію (Mabru) и затѣмъ на Босну ¹⁾; въ 1395 г. онъ сражался на сторонѣ султана въ Валахіи, при Ровинахъ ²⁾, гдѣ погибли сербскій юнакъ, сынъ краля Вукашина Марко Кралевичъ, Константинъ и Драгашъ; въ 1396 г. Стефанъ сражался у Никополя на сторонѣ Баязета противъ Венгерскаго короля Сигизмунда. Затѣмъ въ 1402 г. Стефанъ, по условію договора, является на помощь Баязету противъ Тамерлана въ Азіи. Въ этой битвѣ на Анкирскихъ поляхъ Сербы совершили чудеса храбрости; они съ своимъ деспотомъ Стефаномъ могли и хотѣли спасти султана Баязета: они смѣло прорываютъ ряды Скиновъ, приближаются къ Баязету въ самую критическую для него минуту и совѣтуютъ ему бѣжать отъ неминуемаго плѣна; но тотъ не внимлетъ благоразумному совѣту и потому попадаетъ къ Тамерлану въ плѣнъ. Деспотъ Стефанъ, между тѣмъ, видя дѣло проиграннымъ, уходитъ съ поля сраженія, при чемъ захватываетъ съ собою сына Баязетова Мусульмана, котораго и возводитъ на престолъ Османа. Со смертію Баязета дѣла Турокъ приняли самый невыгодный оборотъ: начались раздоры въ средѣ сыновей Баязета; претендентами являлись лица и не изъ династіи Османа. Тогда-то слѣдовало деспоту Стефану употребить всю свою энергію, всѣ свои военные таланты и юныя силы храбрыхъ сербскихъ воиновъ для восстановленія нѣкогда величественной монархіи царя Стефана Душана. Особенно въ этотъ періодъ, со смерти султана Баязета, было всего легче свергнуть ненавистное турецкое иго. При точно такихъ же условіяхъ, въ первые годы послѣ Косовской битвы, когда султанъ Баязеть спорилъ съ братомъ Якубомъ (Сабуціемъ-Дуки) за престолъ, это сверженіе было несвоевременно, такъ какъ Сербское государство было сильно ослаблено пораженіемъ на Коссовомъ полѣ; но во время распрей сыновей Баязета (1402—1413 гг.) оно было въ самую пору, и навѣрное, было бы сдѣлано, еслибы въ сербскомъ лагерѣ было единодушіе, которое въ то время было нарушено происками Византійскаго двора. Да впрочемъ, въ періодъ историческаго существованія Сербскаго племени, единодушіе никогда и не бывало и не свойственно было этому племени, по національному его характеру. Внутреннія несогласія въ средѣ сербскихъ владѣтелей, которые не переставали преслѣдовать свои личныя цѣли, послужили главною причиною тому,

¹⁾ Житіе деспота Стефана Лазаревича.

²⁾ Тамъ же.

что деспотъ Стефанъ остался глухъ въ сигналу для низверженія ига, данному распрами въ турецкомъ лагерѣ.

Тревожимый братомъ Вукомъ и Бранковичами (Вукомъ и его сыновьями), деспотъ Стефанъ Лазаревичъ по необходимости долженъ былъ гдѣ нибудь искать для себя точку опоры и заблагоразсудилъ найти ее въ Турецкихъ султанахъ. По этой-то причинѣ онъ оставался такъ вѣренъ клятвѣ, данной султану Баязету: поддерживалъ законнаго претендента на турецкій престолъ даже въ то время, когда всѣ прочіе союзники оставляли его. Изъ этого послѣдняго факта нельзя не видѣть, что за отношенія были между деспотомъ Стефаномъ и остальными сербскими владѣтелями; отношенія эти были чрезвычайно враждебныя, и Турки, для личной своей выгоды, всевозможными мѣрами поддерживали ихъ. При такомъ порядкѣ вещей, дѣло Сербовъ и всѣхъ южныхъ Славянъ было проиграно окончательно. Какъ скоро Турки укрѣпились въ Скопль, на Родопѣ, во всей гористой Фессаліи, Филиппополѣ и Адрианополѣ, рѣшено было подчиненіе имъ всей Сербіи. Главный принципъ Турецкихъ султановъ состоялъ въ томъ, чтобы поставить подъ свои знамена христіанскія войска и при своемъ дворѣ имѣть христіанъ. Уже Баязеть окружалъ себя толпою сербскихъ, валашскихъ, албанскихъ, венгерскихъ, нѣмецкихъ, болгарскихъ и италіанскихъ юношей и дѣвушекъ¹⁾. Эта молодежь, захваченная въ рабство, получала послѣ свободу и составляла изъ себя главное войско Турокъ (янычары), которое должно было сражаться противъ своихъ же родичей²⁾. Сербскіе бояре, которые переходили къ Туркамъ, были хорошо принимаемы султаномъ; эти-то бояре, извѣстные въ исторіи византійскаго лѣтописца Лаоника Халкондила подъ именемъ *κελταῖς*³⁾, заняли мѣста пашей въ Азіи, а паши поселились въ Европѣ. Если вполнѣ вѣрно, свидѣтельство Халкондила, то сербское боярство наложило на себя неизгладимое пятно. За то Сербскій народъ остался вѣренъ своей народности: онъ геройски отстаивалъ свои права, но только вездѣ его преслѣдовало несчастье; бой на Коссовомъ полѣ и Анкирскихъ поляхъ служилъ лучшимъ выраженіемъ стойкости Сербскаго народа, какъ это отмѣтили даже турецкіе источники. По свидѣтельству турецкаго лѣтописца Нешри, двое сербскихъ воиновъ, захваченные въ плѣнъ Турками, на вопросъ послѣднихъ, гдѣ нахо-

¹⁾ *Corpus scriptorum Historiae Byzantinae: Δούκας, cap. XV, и Χαλκωνδύλης.*

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Χαλκωνδύλης.*

дятся сербское войско, и не убѣждалъ ли Лазарь съ поля битвы, услышавъ о приближеніи турецкой силы, съ полнымъ самопожертвованіемъ и рѣшимостью, доказывающими великую привязанность къ своему національному князю, отвѣчаютъ: „*Да разетъ долженъ предъ вами Лазарь бжжати! Онъ только ждетъ васъ!*“¹⁾).

Сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, при своемъ миролюбивомъ характерѣ, былъ вполне доволенъ, что послѣ битвы на Анкирскихъ поляхъ (1402 г.), онъ получилъ больше самостоятельности и даже, если можно вполне довѣриться свидѣтельству двухъ сербскихъ источниковъ—Тронашской лѣтописи²⁾ и Житомишлячскаго хронографа³⁾, никому не платилъ дани. Вѣроятная истинность этого свидѣтельства, хотя бы и отчасти, можетъ быть доказана тѣмъ, что деспотъ Стефанъ Лазаревичъ въ 20-хъ годахъ XV в. почувствовалъ себя на столько сильнымъ, что вступилъ въ борьбу съ Венеціей за наслѣдіе правителя Зеты⁴⁾, Бальши III Страшиміра, умершаго въ Скардрѣ 1421 г. Венеція въ то время ужъ успѣла занять многія мѣстности изъ владѣній Бальши III. Стефанъ Лазаревичъ потребовалъ возвращенія ихъ. Завязался споръ, длившійся до самой смерти деспота Стефана. По смерти же деспота, Венеція не имѣла никакого соперника и потому сдѣлалась какъ бы законною наслѣдницею владѣній Бальши III, ибо мать сего послѣдняго отказалась отъ этого наслѣдія. Оставшіяся дѣйствительный законный наслѣдникъ Бальши III, сынъ или, вѣрнѣе, двоюродный братъ его *Стефанъ Бальшичъ* (Черноевичъ) получилъ только небольшую область между Кроей и Лешемъ; сыновья же его *Иванъ* и *Койко* потеряли и эту малую область при сильномъ напорѣ

¹⁾ *Брличъ*, Извори српске повјестнице изъ турскијехъ споменика, 1857 г. стр. 63.

²⁾ *Гласник*, кн. V, стр. 96.

³⁾ *Гласник*, кн. XXXII, стр. 271.

⁴⁾ Зета (сѣверная часть Албаніи), единственная область, не подпавшая турецкой власти сейчасъ же послѣ Косовской битвы; впервые она испытала силу Турокъ въ 1392 г., въ правленіе Юрія II Страшиміровича Бальши. Область эта изстари составляла удѣлъ Сербскихъ государей; отъ Сербіи отдѣлилась въ царствованіе слабаго Уроша V, сына Душанова. На развалинахъ владѣній Бальшичей возникла нынѣшняя *Черногорія*. Еще раньше отдѣлилась отъ Сербскаго государства *Боснія*, тоже во время правленія младаго Уроша V, при Боснійскомъ банѣ Стеванѣ Твердѣ Владиславичѣ, который получилъ 1376 г. королевскій титулъ отъ Венгерскаго короля Людовика I. *Герцеговина*, какъ отдѣльное герцогство, съ особымъ самостоятельнымъ воеводою, выдѣлилась изъ Боснійскаго королевства въ 1444 году.

Георгія Кастріоты (Скандербега), образовавшаго въ Албаніи сильное государство, которое до его смерти († 1468 г. 17-го января) было оплотомъ противъ натиска постоянно усиливавшейся османской силы на южно-славянскія земли.

Сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, такъ ревностно отстаивавшій противъ Венеціи свои права на наслѣдіе Вальшичей, не обратилъ своего оружія на Турокъ, когда, по смерти султана Мехемета († 1421), повторился тотъ же случай, который произошелъ послѣ смерти Балзета. Византійскій императоръ Мануилъ выставилъ было законному преемнику Мехемета, Мурату II, соперника сначала въ лицѣ псевдо-Мустафы, а затѣмъ (1424 г.) въ лицѣ брата Муратова, Мустафы. Главная причина, удержавшая Стефана Лазаревича и на этотъ разъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ султана, заключалась, кажется, въ недовѣріи его къ вѣроломной и своекорыстной политикѣ Византійскаго двора, тѣмъ болѣе, что у него были и свои домашніе недоброжелатели и соперники. Вслѣдствіе этой новой причины, вслѣдствіе того, что въ то время уже нельзя было разчитывать на какую бы то ни было помощь со стороны безсильнаго Византійскаго императора, ставшаго притомъ турецкимъ данникомъ, деспотъ Стефанъ сблизился съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ и заключилъ съ нимъ въ 1426 г. союзъ въ формѣ, близко подходящей къ покровительству Венгерскаго двора надъ Сербіей, чтобы имѣть защиту отъ наслія Турокъ. Роковымъ было для Сербскаго государства это покровительство венгерскаго короля. Съ этого времени начинается непримиримая вражда Турокъ къ Сербамъ, ускорившая окончательное покореніе Сербіи. Турецкій султанъ Муратъ II, столь обязанный деспоту Стефану за его посредничество при заключеніи перемирія (1424 г.) на два года съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ, пришелъ въ ярость, когда узналъ о союзѣ деспота съ тѣмъ же королемъ. Турецкая политика всегда домогалась разъединенія своихъ сосѣдей и съ своей стороны съ однимъ держала миръ, между тѣмъ какъ съ другимъ, въ то же самое время, вела войну. Но спрашивается: какую пользу извлекли изъ этого покровительства Сербы? Въ чемъ состояло это покровительство? Въ томъ, что Венгрія присоединила къ своимъ владѣніямъ Бѣлградъ и по-дунайскія крѣпости, обязала сербскихъ деспотовъ, уравнившихъ съ прочими венгерскими баронами въ правахъ относительно участія въ дѣлахъ венгерской короны, выставять войско сей послѣдней „juxta possibi-

litatis (eorum) exigentiam¹⁾, а Сербская земля сдѣлалась театромъ кровопролитныхъ войнъ, и ея народъ, вслѣдствіе нетерпимости латинской пропаганды, попалъ въ презрѣніе и былъ поставленъ на ряду съ погибшими еретиками, послѣ того какъ онъ, руководимый своимъ патріархомъ, не призналъ на Флорентійскомъ соборѣ папской власти. Такъ, папа Калликстъ III выразился въ 1458 году: „Очевидно, что эти Греки, эти Сербы и прочіе еретики, находясь внѣ церковнаго общенія, не надежны для борьбы съ невѣрными; только сила католиковъ можетъ одолѣть султановъ“²⁾. Но тѣ же надежные католики—Венгерцы, со своимъ королемъ Ладиславомъ, не въ силахъ были въ 1455 г. взять столицу Сербіи Смедерево, не смотря на всѣ свои усилія и даже хитрость....³⁾.

Переговоры о передачѣ Венгріи Бѣлграда, пачавшіеся при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ, окончились въ 1433 г., въ правленіе преемника Стефанова, деспота Юрія I Бранковича (1427—1456). Передача Бѣлграда произвела тяжелое впечатлѣніе на Сербскій народъ: пораженный столь неожиданною потерей важной части своей земли, и притомъ съ той стороны, гдѣ было меньше опасности отъ Турокъ, онъ пришелъ въ уныніе; сербскія лѣтописи повѣствуютъ о многихъ знаменіяхъ, предвѣщавшихъ злое для всей Сербіи⁴⁾. Въ замѣнъ за Бѣлградъ Сербы получили мѣстности въ предѣлахъ венгерской короны. Промѣнъ Бѣлграда и прислѣвшее къ тому же времени вѣнчаніе Юрія деспотскою короною (1435 г.), присланною Византійскимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ чрезъ Георгія Филантропина⁵⁾, послужили новымъ толчкомъ султану Мурату II для вторженія во владѣнія Сербскаго деспота. Султанъ Муратъ II, въ договорѣ своемъ съ Юріемъ I

¹⁾ *Ratki*, Odnosaj srbskih despota i doseljenika napramo kruni i kraljevin hrvatskoj i ugarskoj (съ 1426—1503 г.) (*Knisevnik*, II, стр. 482).

²⁾ *Raynaldus*, *Annal. eccles.*, т. X р. 83—84.

³⁾ Этотъ фактъ сообщаетъ Феодоръ Спацдугино въ своемъ сочиненіи: «Discorso dell' origine de' principi turchi (издано у *Sansovino* въ его *Historia universa*, р. 191. на оборотѣ). Спацдугино былъ современникъ, и потому можно ему вѣрить; онъ говоритъ: «Et all' hora era grandissima guerra trà il Despoto Jurgo di Servia, et Rè d' Ungheria, per modo che l' uno l' altro s' harebbe mangiato il fegato. Percioche il Rè d' Ungheria nelle case appartenenti alla religion Christiano seguiva le caremonie de' Latini et il Jurgo Despota di Servia servava quelle de' Greci....». Затѣмъ онъ описываетъ осаду Смедерева Венгерцами.

⁴⁾ *Schafarik*, *Рамѣткы*, стр. 77; лѣтопись Бранковича въ *Archiev*, кн. III, и лѣтопись въ *Гласн.*, св. I.

⁵⁾ *Согр. script. Hist. Вук. Лубчас*, стр. XXX, р. 207.

Бранковичемъ 1428 г., по которому послѣдній получилъ отъ султана дозволеніе на постройку крѣпости Смедерева (куда, послѣ передачи Вѣлграда, перенесъ свою резиденцію),—поставилъ условіе, чтобы Сербы не держали союза съ Венгерскимъ королемъ; а теперь, послѣ нарушенія этого условія, онъ увидѣлъ настоятельную необходимость—наказать деспота за нарушеніе этого договора. Походъ султана противъ Сербскаго деспота увѣнчался полнымъ успѣхомъ: деспотъ испытывалъ нападеніе за нападеніемъ, пока наконецъ и новая его столица Смедерево не попала въ руки Турокъ (1439 г.). Помощь Венгерскаго короля, на которую деспотъ, по смыслу договора 1426 г., разчитывалъ, явилась уже въ то время, какъ сильный турецкій гарнизонъ засѣлъ въ стѣнахъ новоустроенной крѣпости. Сербія была страшно опустошена и ввѣрена управленію Турахапа, который былъ пашею Сербіи и Фессалии. Во время этого же похода Турокъ на Сербію, испытала ихъ нападеніе и Боснія. Король Босніи Твердео, въ видахъ предотвращенія на будущее время вторженій Турокъ, обѣщалъ платить султану ежегодно 25.000 червонцевъ, и султанъ Муратъ II на столь выгодныхъ условіяхъ вызвалъ Турокъ изъ Босны.

Съ этого времени, со времени запатія Турками Смедерева, деспотъ Юрій I Бранковичъ играетъ самую жалкую роль до конца своей жизни. Будучи самъ безсиленъ отразить Турокъ, онъ долженъ былъ пресмыкаться предъ Венгерскимъ королемъ Ладиславомъ и со слезами просить у него помощи противъ опаснѣйшаго своего врага, обѣщая съ своей стороны доставить всѣ средства на снаряженіе войска¹⁾. Слезамъ его внялъ Венгерскій король, и послѣ общаго совѣщанія, въ которомъ много говорилъ папскій легатъ Юліанъ Цезарини, рѣшилъ готовиться къ походу противъ Турокъ. Счастливый исходъ этого похода возвратилъ деспоту Юрію значительную часть утраченныхъ владѣній. По миру, заключенному въ Сегединѣ (1443 г.), Сербія со всѣми ея городами, занятыми уже Турками, а именно: Смедерево, Голубацъ, Северинъ, Зерновъ, Крушевацъ, Островица, Рудникъ, Лесковацъ, Новобрдо, Зеленградъ, Ковинъ и нѣсколько другихъ, съ частью Албаніи, которая принадлежала Сербіи, была возвращена Сербскому деспоту Юрію I Бранковичу, который обязывался за это вносить султану половину своихъ доходовъ. Но нисколько не облегчилъ этотъ миръ плачевное положеніе Болгаріи. Лишенная давно (1392 г.) своего національнаго правителя, она прежде всѣхъ южно-славянскихъ

¹⁾ *Bonfinius*, *Reg. Hungar. decades X dec. III*, стр. 465; *Corp. script. Hist. Byz.*: Χαλκωνδύλης, edit. Paris., lib. VI, стр. 162 и *Δούκας*.

земель сдѣлалась добычею Турокъ; за ними жъ осталась она и по Сегединскому миру. Валахія осталась подъ верховною властію Венгерскаго короля. Такимъ образомъ, за одинъ разъ султанъ Муратъ II лишился всѣхъ сѣверныхъ пограничныхъ провинцій, въ которыхъ была вся надежда, все будущее Османскаго государства. Для Турокъ Сегединскій миръ былъ роковымъ: его нужно было или парушить, или допустить окончательное уничтоженіе турецкаго владчества въ Европѣ; съ великимъ недовольствомъ заключилъ Муратъ II этотъ миръ, вынужденный къ тому крайнею необходимостію, такъ какъ, въ то же самое время Скандербегъ поднялъ противъ него всю Албанію, а въ Малой Азіи возобновилось возстаніе Карамана. Но по теченію тогдашнихъ обстоятельствъ, замѣчаетъ Цинкейзенъ ¹⁾, авторъ „Исторіи Османскаго государства“,—Сегединскій миръ никомъ образомъ не могъ быть соблюденъ: онъ былъ политическою ошибкою, послѣдствія которой не замедлили обнаружиться его нарушеніемъ. Нарушила миръ первая Венгрія, что привело къ столкновенію Венгерскаго короля Владислава съ Муратомъ у Варны (1444 г.). Сербскій деспотъ Юрій I Бранковичъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ условіями Сегедипскаго мира, и потому не могъ сочувствовать нарушенію его. Не зная, какой исходъ получить эта новая война съ Турками, и больше опасаясь новыхъ вторженій султана, чѣмъ гнѣва христіанскихъ державъ, деспотъ Юрій принимаетъ въ этой войнѣ самую вѣроломную политику: пообѣщавъ выставить на помощь Владиславу свое войско, онъ не только что не выслалъ его, но и воспретилъ Скандербегу съ 30.000 храбрыхъ Албанцевъ пройти чрезъ Сербію на помощь Владиславу. Византійскій императоръ Іоаннъ Палеологъ тоже не явился на помощь, хотя тоже далъ обѣщаніе въ этомъ смыслѣ. Можно, поэтому, считать обоихъ этихъ государей виновниками пораженія Владислава у Варны. Особенно много погрѣшилъ противъ христіанства и славянства самъ же представитель южныхъ Славянъ, деспотъ Юрій I. Не воспрети онъ Скандербегу съ его 30.000-нымъ храбрымъ войскомъ соединиться съ Владиславомъ, исходъ Варпской битвы навѣрное былъ бы иной: дѣло христіанства, и быть можетъ всего славянства приняло бы другой оборотъ. До конца своей жизни деспотъ держался той политики, что слѣдуетъ лучше держать сторону султана, нежели сторону Венгерскаго короля. Такъ, въ походѣ Гуніада на Турокъ (1448 г.),

¹⁾ *Zinkeisen*, Geschichte des osmanischen Reiches, I, стр. 650.

деспотъ Юрій наноситъ ему значительный вредъ не только своимъ отказомъ отъ участія въ походѣ, но и захватомъ въ плѣнъ этого героя, когда тотъ проселочными дорогами пробирался въ свои владѣнія, послѣ своего пораженія на злосчастномъ Коссовомъ полѣ; желая заискать предъ султаномъ, деспотъ предлагалъ выдать ему своего плѣнника, но Муратъ съ презрѣніемъ отвергъ эту двойную вымѣну. Нельзя ли отыскать ближайшую причину такого поступка Сербскаго деспота по отношенію къ Гуніаду? Причина эта кроется въ томъ, что Гуніадъ желалъ приобрести нѣкоторыя мѣстности изъ владѣній деспота въ предѣлахъ венгерской короны. Деспотъ Юрій, тѣсный, такимъ образомъ, и съ сѣвера, и съ юга, долженъ былъ держать сторону того, кто больше былъ опасенъ, кто могъ скорѣе уничтожить его призрачную самостоятельность: страхъ турецкаго оружія заставилъ его примкнуть къ султану; но онъ не предвидѣлъ того, что съ постепеннымъ усиленіемъ турецкой силы уничтожится прежде всего его самостоятельность, такъ какъ онъ ближайшій сосѣдь: прежде чѣмъ утвердиться въ предѣлахъ Венгріи, султану нужно было окончательно покорить Сербію. Руководимый точно такими же соображеніями, деспотъ Юрій помогаетъ преемнику Мурата II, Мегемету II, при завоеваніи Константинополя (1453 г.). По свидѣтельству византійскаго лѣтописца Франца ¹⁾, деспотъ Юрій оказалъ здѣсь султану большую помощь; Франца, между прочимъ, разказываетъ, что Сербы тайно послали султану много денегъ и войска, такъ что Турки хвастливо говорили Грекамъ: „Вотъ-де на васъ и Сербы!“

Послѣдствія недалеконидной политики деспота Юрія I Вранковича не замедлили обнаружиться. Вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя, султанъ Мехеметъ II обратилъ (1455 г.) свои силы на Сербію и Венгрію. Юрій отдѣлался было отъ Турка обѣщаніемъ увеличить свою дань. Такимъ образомъ, еще на четыре года была оставлена тѣнь самостоятельности Сербскаго государства; но мало пользы и едва ли не больше вреда принесли эти годы сербской народности, если вспомнимъ только то, что Сербія, раздираемая расприми сменовей Юрія, была наконецъ (1458 г.) подарена вдовою Лазаря Юрьевича, Еленою Палеологъ, папѣ Каллисту III. Елена, слѣдуя совѣту католика Боснійскаго короля Стефана Томашевича, которому предложила руку своей дочери Маріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и престолъ Немани, — полагала такимъ образомъ найдти себѣ защит-

¹⁾ Corpus script. Hist. Вуз.: Франтсѣс, стр. 326.

никовъ отъ Турокъ; но напрасна была надежда: папа охотно принялъ даръ и послалъ своего легата Іоанна Карафажи (Анжело) въ Сербію для того, чтобъ онъ формальнымъ образомъ принялъ пограничныя крѣпости ¹⁾, но защитниковъ отъ насилій Турокъ Сербія не получила, хотя папа и поручилъ эту защиту Венгерскому королю Матвѣю ²⁾. Елена сдѣлала большую ошибку, послѣдствія которой сейчасъ же обнаружались; своею склопностію къ католицизму она вооружила противъ себя Сербскій народъ: нѣсколько вліятельныхъ влстелей въ Смедеревѣ, побуждаемые ревностію къ защитѣ православной вѣры своихъ отцовъ, выступили во главѣ движенія противъ нея и призвали на престолъ Немани Михаила Абоговича, не царскаго рода и не сербской крови; Стефанъ же Юрьевичъ, братъ Лазаря, вѣроятно, въ то время былъ на чужбинѣ. Хитростію Елены Абоговичъ былъ сверженъ и на сербскій престолъ призванъ Стефанъ Юрьевичъ. Въ началѣ 1459 г. и онъ былъ сверженъ и изгнанъ изъ своего отечества ³⁾, а на сербскій престолъ сѣлъ давній союзникъ Елены, Стефанъ Томашевичъ. Такимъ образомъ онъ соединилъ подъ своимъ правленіемъ Боснію и Сербію; но пользы отъ этого было мало, такъ какъ самъ Стефанъ Томашевичъ былъ человѣкъ неспособный, малодушный и къ тому же нечестный: ему суждено было править Сербіей и Босніей, ему же суждено было и окончательно передать эти двѣ области въ руки Турокъ; за передачу Смедерева, столицы Сербіи (1459 г.), онъ получилъ отъ Турокъ огромную сумму золота ⁴⁾, а за передачу столицы Босны, Яицы (1463 г.), онъ заслужилъ отъ султана награду—смерть ⁵⁾. Въ 1483 г. подобную же участь испытала и Герцеговина, въ правленіе сыновей герцога Стефана Коссирича — Владислава и Владка. И такъ, Турки утвердились на развалинахъ величественной монархіи Стефана Душана. Раздоры племенъ, подъ водительствомъ ихъ правителей, распри влстелей и ихъ своекорыстныя стремленія — непремѣнная черта въ характери-

¹⁾ *Raynaldus*, *Annal. eccles.*, стр. 145.

²⁾ *Zinkeisen*, *Geschichte des osm. Reiches*, II, стр. 113.

³⁾ *Schafarik*, *Památky*, стр. 79, стихи 8—9.

⁴⁾ *Zinkeisen*, *Gesch. d. Osm. Reiches*, II, стр. 116.

⁵⁾ По свидѣтельству однихъ источниковъ (*Χαλκωνδούλης*, lib. X, стр. 290), султанъ отрубилъ Стефану Томашевичу голову; по свидѣтельству турецкихъ источниковъ и польскаго лѣтописца Длугоша (*Hist. Pol.*, lib. XII, II, стр. 323), онъ былъ пораженъ стрѣлами, а по другимъ источникамъ: Боненни, dec. III, lib. X, p. 546, Истванон (lib. V.) и Леуиклавій (стр. 54), съ него была содрана кожа.

стигъ всѣхъ южно-славянскихъ племенъ, да затѣмъ католицизмъ, не мирившійся съ православіемъ,—вотъ та помощь, съ которою Турки завоевали эти плодосныя области. Вспомниъ также, что Турки XV вѣка совсѣмъ не тѣ, что нынѣ: по свидѣтельству писателей XV и XVI вѣковъ ¹⁾, „Турки того времени народъ свѣжій, неустрашимый, неутомимый, воинственный, честный, великодушный и вѣротерпимый, въ чемъ испорченные и извѣженные Европейцы далеко имъ уступали; ихъ военное искусство, отчаянная храбрость и вѣрность султану удивляла современниковъ“.

И не смотря на столь хорошія качества Турокъ и на благоприятное для нихъ теченіе обстоятельствъ, мы видимъ, что они болѣе ста лѣтъ борются съ Славянами Балканскаго полуострова, пока успѣвають совершенно подчинить ихъ своей власти. Значитъ; стойкость славянской народности была велика. Правда, не дружною массою отбивалось славянское населеніе Балканскаго полуострова отъ Турокъ, ибо этому мѣшали упомянутыя уже выше обстоятельства, но все же оно, несомнѣнно, сильно заявляло себя въ дѣлѣ охраны родной земли. Народъ хотя и извѣтъ былъ изъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, принималъ близко къ сердцу счастье и горе, успѣхъ и неудачи своихъ правителей и мѣтко угадалъ причину того и другаго. Если мы обратимся къ народнымъ пѣснямъ южныхъ Славянъ, то увидимъ, какая мысль руководила народомъ. Искренно преданный роду Стефана Немани, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ великою скорбію переносилъ распри Неманичей; онъ искренно желалъ прекращенія этихъ междоусобій; и горой стоялъ за внутреннее спокойствіе государства, при коемъ только и возможно благоденствіе народа. Народный пѣвецъ вложилъ въ уста Стефана Дечанскаго, когда его сынъ Стефанъ Душанъ потребовалъ раздѣла Сербскаго государства, такую рѣчь:

Зашто, сине, да се днелимо?
 Шта си у царству пожелно?
 У честиту дому Неманића
 Доста царства, доста господства,
 Доста пива, доста ѣдива!
 Ако си се слакомно, сине,
 Ти да узмешъ на Призрену царство,
 На поклонъ ти царство и господство
 И на поклонъ земле и градове,

¹⁾ В. Макушевъ, Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ Славянъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1876 г.

И на поклонъ седамъ кула блага
И на поклонъ седамъ тарапана
И на поклонъ народъ Србадна!

„Ничего я съ тебя не требую, но заклинаю тебя Богомъ: бляди народъ, какъ свою голову!“ ¹⁾

Не видно ли изъ этихъ словъ, что народъ Сербскій искренно желалъ прекращенія междоусобій своихъ государей? Въ этихъ словахъ народъ выразилъ, чего онъ желалъ отъ своихъ правителей! И все это, чего онъ желалъ и что получилъ въ правленіе царя Стефана Душана, исчезло со смертію сего великаго государя. Смерть Душана народъ вѣрно представилъ въ своихъ пѣсняхъ роковою для величественной Сербской монархіи. По смерти Душана, поетъ народъ, — Турки

«Преварише Мирчету Стефана,
Прихватише Душаново царство,
И Србију и Уруменију,
Нашу Босну и Херцеговину,

ТОЛЬКО

Црнегоре узет не моглоше» ²⁾.

Періодъ со смерти Стефана Душана до вступленія Лазаря Гребельяновича народъ въ своихъ пѣсняхъ представилъ для себя злосчастливымъ. Въ пѣснѣ „Смрт Душанова“ ³⁾ народъ представилъ, сколько зла причинили ему его намѣстники, давшіе полный просторъ своимъ своекорыстнымъ стремленіямъ по смерти Душана. Хотя тутъ вся вина свалена на ненавистнаго народу крала Вукашина, при всемъ томъ тутъ же усматриваются характерныя черты своекорыстныхъ стремленій и всѣхъ вообще областныхъ сербскихъ намѣстниковъ ⁴⁾. Въ этой пѣснѣ народъ поетъ: „Въ теченіе 16-лѣтняго правленія“

Бољико је зулум (неправда) поставио (Вукашинъ)
Што ношаше сиротинъа раја,
Што ношаше од свиле (шелкъ) хальине (одежда),
Тад обуче сукенене хальине.

¹⁾ Пѣсня помѣщена въ сочиненіяхъ А. О. Гилефердинга, т. III: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 108.

²⁾ Петрановић, Српске народne pjesme кн. III: № 2-й Смрт Душанова.

³⁾ В. С. Караџић, Српске народne pjesme, кн. III. № 33.

⁴⁾ Какъ на примѣръ подобныхъ своекорыстныхъ стремленій намѣстниковъ укажемъ на вниманіе намѣстниковъ Жаркомъ посланнымъ съ дубровницкихъ купцовъ и даже грабешъ (Miklosiĉ Mon. Serb., № CLVIII), вопреки постановленію царя Уроша V, отъ 1356: что ни дарица (мать Уроша), ни самъ царь (Урошъ) «нищо да им се не узме безъ куна» (ibid. № CXXXIV).

Испытывая на себѣ столь тяжелый гнетъ намѣстниковъ, народъ не могъ не желать воцаренія законнаго наслѣдника, сына Душанова, Уроша V. Только подъ правленіемъ Неманичей онъ считалъ возможнымъ наслаждаться спокойствіемъ и благоденствіемъ. Поэтому, когда читаетъ пѣсни сборника Караджича, №№ 33 и 34 (кн. II), въ которыхъ поется, какъ Марко Кралевичъ рѣшаетъ споръ между его отцомъ Вукашиномъ, дядьями и Югъ - Богданомъ, съ одной стороны, и молодымъ Урошемъ, съ другой,—въ пользу сего послѣдняго, невольно рождается мысль объ искренней преданности народа слабому Урошу V; сводомъ доказываетъ онъ его права: призываетъ сначала попа Недѣлку, который присутствовалъ при завѣщаніи Душана, а затѣмъ Марка Кралевича, Душанова логовита. Изъ рѣчи Марка Кралевича (въ той же пѣснѣ) и благословенія, которое произноситъ Урошъ V:

Кумъ мой, Марко, Богъ тебѣ на помощь!
 Чтобъ лицо твое сіяло въ душѣ,
 А копьё въ бою не уставало!
 Чтобъ сильнѣе не было юнака
 И пока луна и солнце свѣтять,
 О тебѣ жива была бы память!> (переводъ О. Ѳ. Миллера).

довольно ясно видно, что народъ всѣми силами поддерживалъ законнаго царя. Самый фактъ, передаваемый пѣсней, можетъ быть заподозрѣнъ, ибо исторія не представляетъ для этого никакихъ данныхъ; но для насъ важно воззрѣніе народа. Исторія свидѣтельствуетъ намъ одно только, что люди добрые совѣтовали Урошу удалить Вукашина и предупреждали его о замыслахъ сего послѣдняго, но Неманичъ не внялъ этому совѣту; какъ жена Углеши не вѣритъ, что ее похоронять живьемъ, чтобы такимъ образомъ довершить построеніе Скадра (сюжетъ другой пѣсни „Зиданье Скадра“ въ сборникѣ Караджича), такъ и Урошъ V, слишкомъ довѣрясь Вукашину, не обратилъ вниманія на совѣты искренно преданныхъ ему людей: „Удали родъ Мрнявчичей!“

Съ прекращеніемъ рода Немани, народныя симпатіи перенесены на нѣя славнаго и святаго князя *Лазаря Гребельяновича*, потому ли, что, по народному преданію, самъ царь Душанъ принималъ большое живое участіе въ судьбѣ этого честнаго и мужественнаго героя, по женской линіи потомка Немани ¹⁾, или потому, что съ его именемъ

¹⁾ Троношская лѣтопись (*Гласник*, св. V, стр. 60): «вторая (дочь) по отцѣ (по смерти отца Милутина) выдана за воеводу *прибѣна Гребелановича*, архикаршица милутинова, отъ неѣея родилася лазаръ великій князь и краль расійскій.»

связано величайшее событіе сербской исторіи — Косовская битва, въ коей онъ палъ жертвою за спасеніе сербской народности. Пѣсни, касающіяся этого событія, составляютъ особый циклъ, называемый сербскими пѣвцами „Лазарица“. Весело начинаются пѣсни этого цикла — юностію князя Лазаря; но какъ элегически, какъ трогательно заканчиваются онѣ скорбію дѣвушки, отыскивающей падшаго на ратномъ полѣ жениха („Косовка дјевојка“ № 51, сборникъ *Караджича*, II)! но замѣчанію Каррьера, „представляетъ сцену одну изъ самыхъ потрясающихъ и прекрасныхъ во всей эпической поэзіи; она представляетъ намъ всю гомеровскую ясность, всю германскую или индійскую глубину чувства сербской народной пѣсни“.

Со времени Косовской битвы имя Турокъ стало ненавистно сербской памяти, равно какъ и имя виновника пораженія Сербовъ—Вука Бранковича. Во множествѣ пѣсенъ на Турокъ, и въ особенности, на Вука сыплются проклятія. За то имя Лазаря вспоминается съ задушевною любовью. Фактъ объ измѣнѣ Вука Бранковича на Коссовомъ полѣ исторически не доказанъ; одинъ сербскій памятникъ XV в. замѣчаетъ объ этомъ: „Не вѣмъ что истинное рещи о семъ, изданъ ли кѣмъ отъ своего бывъ хранѣнія, или паче соуду божию о семъ събывшесе“. Равно и Константинъ Философъ, касаясь этого событія въ „житіи деспота Стефана Лазаревича“, дѣлаетъ такое же замѣчаніе: „Богъ тако попустивши“. Свидѣтельства эти нисколько не выясняютъ событія и показываютъ только, какъ сербскіе книжники занимствовали изъ народнаго преданія матеріалъ для своихъ твореній. Народное самолюбіе заставило Сербовъ представить въ своихъ пѣсняхъ паденіе славнаго своего царства предназначеннымъ судьбою. Въ пѣснѣ: „Пропастъ царства српскога“¹⁾ народъ поетъ, какъ птица соколъ принесъ ласточку, то-есть, письмо отъ св. Богородицы изъ Іерусалима, въ которомъ предлагалось Лазарю выбирать одно изъ двухъ: царство небесное, или земное; Лазарь избралъ лучше царство небесное и потому потерялъ царство земное. И пѣсню эту народъ съ полною вѣрой и надеждою на Бога заканчиваетъ слѣдующими словами:

Све је свето и честито било,
И миломе Богу приступачно.

Равнымъ образомъ, во множествѣ пѣсенъ поется: „Староставныя книги пишуць, что Турки прійдутъ и займутъ все Сербское государ-

¹⁾ В. С. *Караджичъ*, Српске народне пјесме, кн. II. № 46.

ство, вслѣдствіе вѣроломства самихъ же Сербовъ". И эту измѣну, по причинамъ неизвѣстнымъ, народъ свалилъ на Вука Бранковича. Во всей сербской народной поэзіи имя Вука Бранковича сдѣлалось синонимомъ измѣнника. Замѣчательно, что исторически подтверждаемое служеніе Марка Кралевича султану не порицается народомъ. Народный эпосъ, какъ бы оправдывая это служеніе, воспѣваетъ, что проклятіе Вукашина надъ своимъ сыномъ Маркомъ: „Сынъ Марко, убей тебя Богъ! не имѣть бы тебѣ гроба и порога! не выпасть бы душѣ твоей, пока не заслужишь ты у царя турецкаго!“ и благословеніе Уроша выше приведенное, сбылись: Марко Кралевичъ служитъ Туркамъ и при всемъ томъ считается первымъ сербскимъ юнакомъ, защитникомъ беззащитныхъ отъ турецкихъ притѣсненій. Единственный во всемъ сербскомъ эпосѣ укоръ ему встрѣчается въ одной пѣснѣ (сбор. Караджича, II, № 40), въ которой представлено сватовство Марка Кралевича вмѣстѣ съ двумя другими юнаками — Милошемъ и Релей, къ красавицѣ Роксандѣ, сестрѣ Леки капитана. Въ отвѣтъ на предложеніе Леки: „выбирай кого угодно изъ этихъ троихъ сербскихъ воеводъ“, Роксанда произноситъ слѣдующія порицательныя слова на Марка:

«Са Турцима бије и сијече,
 Ни ће имат' гроба ни укуца....
 Што ће мене код дјепоте моје
 Видем љуба турске придворце?»

Марко Кралевичъ воспѣвается какъ великій юнакъ и сербскимъ, и болгарскимъ эпосомъ; тотъ и другой эпосъ воспѣваетъ Марка какъ защитника христіанскаго народа и врага Турокъ. Если Марко и служить Туркамъ, то вынужденный къ тому обстоятельствами, какъ вассалъ султана и ближайшій изъ всѣхъ сербскихъ областныхъ правителей (жилъ въ городѣ Прилишѣ) сосѣдъ Турокъ; но въ то же время онъ близко къ сердцу принимаетъ участь своихъ соплеменниковъ. Вотъ что сообщаетъ составитель „жизніа деспота Стефана“ Константинъ Философъ: передъ битвою на Ровинахъ (1895 г.) Марко, находясь на сторонѣ султана, обратился къ своему сотоварищу Константину, сыну Деана, съ слѣдующею рѣчью: „Азь глаголю и молю господа еже христіаномъ быти помощникъ, азь же прѣвыи въ мертвыхъ на рати си да боуду“¹⁾. Константинъ Философъ, вѣроятно, заимствовалъ это свидѣніе изъ преданія, которое вращалось въ то время въ народѣ; но заподозрѣвать историческое значеніе этого

¹⁾ Гласник, св. XXVIII, стр. 393.

преданія нѣтъ никакого основанія. Една ли не правдоподобно будетъ, что молва народная послужила источникомъ для болгарскаго эпоса, въ коемъ Марко представленъ погибшимъ отъ турецкихъ стрѣлъ. Болгарская пѣсня „Смерть Марка Королевича“ ¹⁾ представляетъ, какъ Марко въ Валахїи тяжело раненъ Турками и приближается къ кончинѣ: „Заря занялась изъ прекрасной Влашской земли; не было-то ясная заря, но была мать Марка. Ужь какъ искала она Марка-юнака, на пути встрѣтила ясное солнце: добрая встрѣча, ясное солнце! — Далъ бы тебѣ Господь добро, Марко-мале (мать Марка)! Марко-мале, куда думаешь идти?—Мать ему тихо отвѣчаетъ: Ой ты, ясное солнце, которое ходишь въ вышинѣ и смотришь вдаль! не видишь ли Марка юнака?—Ясное солнце тихо отвѣтило: Ой ты, Марко-мале! не ищи Марка-юнака: Марко-юнакъ долу — внизу — въ землѣ крайней (въ Валахїи); онъ бьется съ турецкимъ войскомъ: когда Турки Марка поражаютъ—небо оглашается, — когда Марко Турокъ бьетъ—земля и небо трясутся. — И нанесли Марку Турки 70 опасныхъ ранъ. Легъ Марко подъ бѣлый шатеръ; надъ нимъ вьются черные орлы; Марко тихо имъ возговорилъ: Ой вы, черные орлы, не вейтесь, не бейтесь—моихъ кровей не пить вамъ. — Черные орлы тихо отвѣтили кралою Марку: Ой ты, краль Марко! мы не вьемся — не бьемся изъ-за твоей крови, но Богу молимся за твоё юнацкое здоровье.—На это Марко-краль отвѣтилъ орламъ: идите, идите, долу внизъ — въ крайнюю землю, наѣштесь турецкаго мяса, напейтесь турецкой крови“.

Сербскій эпосъ представляетъ, что Марко, послѣ трехъ сотъ лѣтъ жизни, умеръ на Урвинъ-планинѣ, подъ двумя развѣсистыми елями, своею естественною смертію. Въ пѣснѣ „Смрт Марка Кралевића“ ²⁾ величественно представлено, какъ Марко готовится къ смерти и какъ наконецъ испускаетъ свой богатырскій духъ. Но особенно замѣчательны слѣдующія слова, произнесенныя Маркомъ въ то время, какъ бросалъ онъ въ море свой буздованъ (палицу): „Когда выдетъ палица моя изъ моря, тогда только явится подобный мнѣ мужъ!“ Народъ, выразивъ въ этихъ словахъ свое возрѣніе на Марка Кралевича, какъ на самаго сильнаго изъ всѣхъ юнаковъ всѣхъ временъ, выѣстъ съ тѣмъ представилъ тутъ и свое безвыходное положеніе. Этими

¹⁾ Сборникъ болгарскихъ пѣсней *Безсонова во Временикхъ* 1855 г., кн. 22, № XVI.

²⁾ *В. С. Караджичъ*, Српске народн. пјесме, кн. II, № 74.

словами народъ сказалъ: „Нѣтъ Марка-Кралевица—нѣтъ нашего защитника!“ Но по болгарскому преданію, этотъ защитникъ не умеръ, а до сихъ поръ живетъ на одномъ пустынномъ островѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ ¹⁾. А по другому преданію, этотъ защитникъ „днакъ Марко Кралевиць только спитъ въ какой-то пещерѣ; его конь Шарацъ ѣстъ понемногу мохъ, а сабля его повѣшена: когда конь стравитъ весь мохъ, а сабля упадетъ, тогда Марко проснется и выйдетъ опять на свѣтъ“. Онъ станетъ опять защищать свой народъ отъ враговъ Турокъ: своею саблей уничтожить ненавистное ихъ иго....

¹⁾ Сборникъ болгарскихъ пѣсенъ братьевъ *Миладиновичъ*, стр. 528.

Владиміръ Качановскій.